

А. Н. Кашеваров

1917 год в судьбе Петроградской синодальной типографии

Статья посвящена изучению положения, сложившегося в Петроградской синодальной типографии после Февральской революции 1917 г. Для защиты прав рабочих при типографии образовался комитет старост, который вместо отведенных ему по сути функций профсоюзной организации без уведомления и согласия администрации стал устанавливать свой контроль над производством и финансами. С этого начались дезорганизация производственного процесса и расстройство финансово-экономической части. По распоряжению министра исповеданий А. В. Карташева от 4 августа 1917 г., была образована Комиссия по делам типографии, которая предложила меры к устранению катастрофического положения дел в синодальной типографии. Однако эти меры могли быть осуществлены лишь при изменении общеполитической обстановки в стране.

ключевые слова: Поместный собор, Святейший синод, синодальная типография, издательская деятельность, Комиссия по делам типографии, Комитет старост, дезорганизация производства.

К 1917 г. Православная российская церковь располагала солидной издательской базой — синодальные типографии работали в Петрограде и Москве, крупные монастыри и духовные школы имели собственные типографии. Крупнейшей среди них была Петроградская синодальная типография, которая в начале XX в. почти ежегодно выпускала около 6 млн экземпляров книг, брошюр, листов, церковных журналов и газет. Эта продукция составляла более 21 млн печатных листов [Арсеньев, 5]. В период с 1821 г., когда вышел первый православный журнал «Христианское чтение», по 1917 г. в столице Российской империи существовало одновременно 90 церковных периодических изданий, что составляло 24,8 % общего количества православной периодики [Нетужилов, 244]. Значительная часть этих изданий была напечатана

в синодальной типографии, размещавшейся на Кабинетской улице, д. 15 (ныне ул. Правды, д. 13) в подворье Митрофаньевского монастыря. Так, здесь печатались главные синодальные издания — журнал «Церковные ведомости» и газета «Всероссийский церковно-общественный вестник».

Синодальная типография по своему оборудованию называлась образцовой, так как в ней были свои стереотипная, словолитная, брошюровочная и переплетная мастерские. В типографии был светлый, просторный и хорошо вентилируемый наборный зал. В его центре — широкий проход, по сторонам которого стояли шрифты-классы. На левой стороне набирали церковнославянский текст, на правой — гражданский. Набор церковнославянского текста происходил намного труднее гражданского, так как в нем было очень много условных знаков, и потому от наборщиков требовались особая подготовка, внимание и опыт. Примечательно, что в столице существовала и другая крупная церковная типография — «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной Церкви», располагавшаяся на Обводном канале, д. 116.

После Февральской революции 1917 г. в синодальной типографии сложилась весьма непростая обстановка, связанная, прежде всего, с тем, что у рабочих, число которых составляло около 350 человек, стало проявляться стремление к активному участию в управлении типографией. Учитывая эти настроения, церковное руководство ввело в действие так называемые «Автономные правила», выработанные Комитетом связи рабочих казенных типографий [РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 49. Л. 1–14]. В соответствии с этим документом для защиты прав рабочих при типографии образовался комитет старост. Однако комитет старост, вместо принятия отведенных ему, по сути, функций профсоюзной организации, тут же «заявил притязание на контроль над производством и хозяйничанье в типографии» [РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 47. Л. 13]. С этого началась дезорганизация производственного процесса. «В виду обнаружившихся нестроений в Петроградской синодальной типографии», по распоряжению министра исповеданий А. В. Карташева от 4 августа 1917 г., была образована комиссия по делам этой типографии во главе с председателем Издательского совета при Святейшем синоде прот. Александром Рождественским. Председателю было предоставлено право приглашать на заседания комиссии представителей администрации и рабочих синодальной типографии, а также Министерств труда,

внутренних дел и Петроградского союза рабочих печатного дела. Для ознакомления с положением дел в типографии и выработки мер по устранению «обнаруженных непорядков» Комиссия провела 5 заседаний — 28 и 31 августа, 1 и 5 сентября и 20 ноября 1917 г. [РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 85. Л. 39–43]. Комиссия отмечала переполнение типографии излишними рабочими, низкую производительность труда, «крайнюю несоразмерность производства с теми затратами, какие несет типография на уплату вознаграждения рабочим, а в связи с этим и расстройство финансовой части типографии» [РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 85. Л. 39].

По заключению Комиссии, исходная причина такого положения заключалась в создавшихся «неправильных, ненормальных взаимоотношениях между администрацией типографии и рабочими». Такие взаимоотношения возникли сразу же

...после февральского государственного переворота на почве все более и более усиливавшегося стремления рабочих типографии к расширению своих прав значительно дальше пределов, допускаемых новым (при Временном правительстве) законодательством по регулированию взаимоотношений между хозяевами предприятий и рабочими, и даже дальше их границ, какие намечены профессиональным союзом рабочих печатного дела [РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 85. Л. 39].

Этому способствовало то обстоятельство, что с принятием типографией к печати посторонних газет («Солдатское слово», «Революционный народ», «Народная мысль») кадровое пополнение рабочего состава стало производиться самими рабочими через их автономный орган — комитет старост, без ведома и согласия типографской администрации. Примечательно, что последняя, как выяснилось, не пыталась с этим бороться, хотя и имела основание в соответствующих постановлениях Министерства труда, и даже не сообщила об этом Святейшему синоду. Новые лица, принятые в число рабочих безо всякого разбора, внесли произвол в выполнение работ, результатом чего явились упадок производительности ниже самых минимальных трудовых норм, небрежное обращение со шрифтами и материалами и «другие ненормальности, нарушающие правильный ход деятельности типографии» [РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 85. Л. 39]. Примечательно, что часть рабочих (10–12 человек) почти ежедневно стала отлучаться от работ на заседания в комитете старост в рабочие часы, вопреки даже «Автономным правилам», допускающим (по нормам профессио-

нального союза) подобные заседания лишь в экстренных случаях. Вследствие этого типографии пришлось нести неоправданные расходы на уплату жалованья по весьма высоким типографским ставкам личному составу комитета старост, который почти не принимал участия в типографских работах. Когда же представителям рабочих, присутствовавшим на заседаниях Комиссии, было указано на эту ненормальность, то они заявили:

...Рабочие и впредь будут отстаивать сохранение за собой всех прав и выгод, какие достигнуты ими хотя бы и сверх норм, установленных Петроградским советом рабочих печатного дела (членами какового они состоят) и будут бороться против циркуляров Министерства труда, направленных к ограничению таковых прав их [РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 85. Л. 40].

В ноябре 1917 г. рабочие типографии помимо комитета старост учредили явочным порядком еще и Хозяйственный комитет из 3-х лиц и потребовали от администрации предоставления этому комитету права контроля над всеми расходами Петроградской синодальной типографии, а также над продуктивностью работ, расценками принимаемых заказов и права «назначения ревизии». Комиссия по делам типографии это домогательство отклонила на том основании, что:

...Правила о Хозяйственных комитетах рабочими не получили еще надлежащего утверждения к обязательному введению их в казенных типографиях, что, независимо от такового утверждения, введение их в действие в синодальной типографии не может быть допущено без особого разрешения Св. Синода как собственника типографии [РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 85. Л. 41].

Однако в царившей атмосфере самоуправства это постановление Комиссии рабочие не сочли обязательным для исполнения.

Присвоение Комитетом старост права приема и увольнения рабочих исключительно в свою компетенцию, а также применения мер воздействия по отношению «к неисправным» лишило администрацию типографии всякой возможности бороться со злоупотреблениями отдельных рабочих. Следует особо отметить, что и до революции штрафы и какие-либо иные репрессивные меры в типографии почти не применялись, но тогда оказывали свое воздействие угроза увольнения, а также широко практиковавшаяся система сдельной оплаты, которая после февраля 1917 г. была заменена помесечным жалованьем. Последнее нововведение,

устранив всякую зависимость размера вознаграждения от продуктивности труда, послужило для рабочих основанием срывать работы по малейшему поводу и вообще недобросовестно относиться к ним. Комиссия подчеркивала

...стремление поменьше сработать, ибо определенный оклад вознаграждения все равно обеспечен тарифом. О какой бы то ни было обязательной, хотя бы минимальной, трудовой норме не может быть и речи. Произвольно устраиваются рабочими прогулы всей типографией целых рабочих дней. Так, например, по постановлению общего собрания рабочих типографии отменены были работы 20 июля и 30 августа под тем предлогом, что это праздничные дни, хотя действующим тарифом вовсе не отнесены к числу дней свободных от работ [РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 85. Л. 41].

С конца лета 1917 г. почти обычным, заурядным явлением в среде рабочих типографии стали забастовочные выступления. Комиссия отмечала, что задержка даже на один день выдачи заработной платы обязательно сопровождалась уже забастовкой, хотя бы и при наличии вполне ясных уважительных причин этой задержки:

Угрозой забастовки ультимативно подкрепляется почти всякое требование рабочих, даже и явно неосновательное, как было, например, в начале сентября 1917 г., когда рабочие наборного отделения забастовкой с применением насилия пытались настоять на немедленном введении для них повышенного тарифа заработной платы до решения этого вопроса в согласительной комиссии Министерства труда, хотя не встретили в этом поддержки ни со стороны рабочих прочих отделений, ни со стороны правления своего профессионального союза и получили компетентные, вполне убедительные разъяснения от представителя Министерства труда касательно неосновательности их домогательства [РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 85. Л. 41].

Рабочие типографии все чаще стали вторгаться в сферу, которая никак не была связана с их непосредственной трудовой деятельностью. Например, вступали с частными заказчиками в переговоры касательно расценок. Дошло до того, что газетные наборщики присвоили себе цензурные полномочия в отношении литературного материала, набираемого для номеров «Всероссийского церковно-общественного вестника», — по этому поводу возникали пререкания между ними и редакцией. С другой стороны, эти же наборщики вставляли в набор, вопреки распоряжениям администрации,

что-либо совершенно недопустимое для изданий, печатаемых в синодальной типографии, как, например, в № 28 газеты «Революционный народ» (от 3 августа 1917 г.) карикатуру, изображающую в непристойном виде лиц монашеского звания.

Все эти препятствующие нормальной деятельности типографии явления привели в расстройство ее финансово-экономическую часть. По сведениям бухгалтерии управления Петроградской синодальной типографией, доход типографии к 1 сентября 1917 г. исчислялся суммой 745 381 руб. 58 коп. (считая, в том числе, и не полученную еще плату по некоторым счетам за произведенные работы), а расход достиг суммы 875 677 руб. 59 коп., т. е. в итоге определился дефицит в 130 296 руб. 81 коп. Бухгалтерия вынуждена была признать:

...В дальнейшем, при наличии тех же условий является неизбежным возрастание дефицита до столь колоссальной суммы, что типография окажется в положении полного банкротства [РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 85. Л. 42].

Комиссия по делам типографии считала, что полное банкротство можно было предотвратить лишь при условии устранения той дезорганизации, которая водворилась в рабочей среде главным образом под влиянием проникшего туда нового, анархически настроенного элемента, которому была совершенно чужда (чего нельзя сказать о значительной части старослужащих рабочих) идейная сторона деятельности синодальной типографии. Широкий, без осмотрительного разбора, прием посторонних заказов, рассчитанный на коммерческие выгоды, приводил к тому, что синодальная типография в глазах рабочих низводилась на общую линию промышленных предприятий, вокруг которых развернулась ожесточенная, стимулируемая революционными лозунгами борьба.

Комиссия по делам типографии подчеркивала особую опасность

...принимать к печатанию в синодальной типографии посторонние газеты и вообще издания с ярко выраженной партийно-политической окраской и резко-боевым полемическим тоном, ибо это вовлекает типографию в самый центр бушующего вихря политических страстей, причем солидное техническое оборудование ее может притягивать к себе жадные взоры представителей захватного принципа и тактических «налетов» [РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 85. Л. 42].

По этим причинам, как показывал опыт, не оправдывались и расчеты коммерческой выгоды. Так, для печатания «Солдатского слова», а затем «Революционного народа» пришлось пополнить состав рабочих довольно многочисленными новыми кадрами, освободиться от которых оказалось нелегким делом даже по прекращении этих изданий, не имевших шансов на долговечность. Примечательно, что при этом руководство типографии стремилось ограничить состав рабочих:

...По возможности чуждыми политики вообще и во всяком случае отнюдь не враждебными православной вере и не противными пользе Православной Церкви [РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 85. Л. 43].

Комиссия предлагала следующие меры «к устранению печального, катастрофического положения дел синодальной типографии»:

1) восстановление администрации типографии во всех тех правах и полномочиях, которыми обуславливается возможность поддержания необходимой дисциплины среди рабочих, а именно в правах решающей инстанции по делам приема и увольнения и в полномочиях на применение мер взыскания за неисправность и злоупотребления с возложением на эту администрацию ответственной обязанности твердо и настойчиво отстаивать среди рабочих дисциплину путем целесообразного пользования указанными правами; 2) ограничение круга деятельности типографии по возможности выполнением лишь таких работ, которые соответствуют или по крайней мере не противоречат прямому назначению синодальной типографии как технического аппарата, необходимого для распространения Слова Божия, церковно-богослужебных книг и литературы в духе православной веры, и 3) регламентирование инструкцией желательных для типографии порядков и норм взаимоотношений между администрацией и рабочими. Проект таковой инструкции, который мог бы послужить первоначальной основой для дальнейшей разработки и развития, составлен по поручению Комиссии членом ее П. П. Лукьяновым совместно с представителями администрации типографии Чуриловским и Михайловым [РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 85. Л. 43].

Свой доклад, составленный в конце ноября 1917 г. и предназначенный Поместному собору, Комиссия по делам типографии завершала примечательным соображением, касающимся перспективы реализации разработанных ею мер:

Конечно, осуществление всех означенных мероприятий, намеченных Комиссией, возможно будет лишь по наступлении соответствующих условий, и в настоящее время трудно предвидеть с определенностью, когда наступит подходящий момент для этого [РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 85. Л. 43].

Благоприятные условия для осуществления намеченных Комиссией мер так и не наступили. После свержения Временного правительства и прихода к власти большевиков ситуация в типографии продолжала обостряться. 14 ноября 1917 г. ВЦИК принял положение, согласно которому под контроль выборных рабочих органов переходили не только производство, но и финансовая сторона предприятий [Декреты, 83]. Однако новый управляющий И. Н. Михайлов, избранный рабочими в соответствии с «Автономными правилами», остался верным церковному начальству. Он подготовил для Святейшего синода специальный доклад «о ненормальностях» в работе типографии. В нем, в основном, перечислялись те же отрицательные явления, на которые указывала Комиссия по делам типографии, учрежденная 4 августа. Так, в докладе И. Н. Михайлова отмечалось, что от работы ежедневно отвлекаются на некие «заседания» 12 и более человек; старосты не вводят выработанную союзом печатников норму, не приучают рабочих к порядку, а занимаются «пустыми разговорами». Особо подчеркивалось, что старосты выносят разные требования и «хулиганские постановления», которые печатают, используя мощностные материалы типографии, отвлекая для этого наборщиков; в частности, издано постановление о захвате квартир у чиновников или обложении их арендной платой; старосты испортили «множество механизмов» и пытаются влезть в отношения типографии с заказчиками. В заключение доклада Михайлов предлагал или упразднить Комитет старост вместе с существовавшим при нем Хозяйственным комитетом, или вообще временно закрыть типографию, «дабы весь худший элемент вновь в случае открытия не мог попасть» в нее [РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 47. Л. 29–29 об.]. Примечательно, что Комиссия по делам типографии также не исключала возможности временного закрытия типографии [РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 85. Л. 43].

После того как Синод отказал в выдаче требуемого рабочими праздничного пособия к Рождеству (общая сумма премий составляла 115 305 руб.), обоснованно мотивировав это тем, что оно не предусмотрено «Автономными правилами» [РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 47. Л. 13 об.], старосты обратились к советскому руководству.

В своем заявлении от 7 декабря 1917 г. на имя управляющего делами Совета народных комиссаров они объявили, что приняли на себя управление типографией, но просят сообщить, будет ли она признана государственной собственностью или останется у церкви (Синода). Последнее, по мнению авторов послания, нежелательно и неудобно, так как «по существующему состоянию» все действия старост подлежат рассмотрению «Святейшего собора», который далеко в Москве и «иногда совсем не считается с мнением рабочих и не удовлетворяет требований рабочего контроля». Старосты выразили желание получить в свое распоряжение все имеющиеся у типографии средства, а также занять квартиры чиновников духовного ведомства. Бумагу подписали председатель Комитета старост Е. Карлуков, председатель Хозяйственного комитета А. Волосевич и секретарь И. Брысов [РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 47. Л. 28–29]. Примечательно, что никаких реальных шагов со стороны народных комиссаров в тот момент не последовало.

18 декабря Комитет старост постановил начать выпуск собственного журнала под редакцией М. Чуменкова. Издание должно было осуществляться силами и средствами типографии. Первый номер этого издания, названного «Трудовым еженедельником», вышел 1 января 1918 г. Характерно, что 19 декабря, т. е. почти одновременно с решением о выпуске собственного журнала, старосты объявили о прекращении печатания газеты «Всероссийский церковно-общественный вестник» «ввиду большой задолженности и неуплаты денег за работы» [*Трудовой еженедельник*, 6].

Высшее церковное руководство, находившееся в Москве, по существу занимало выжидательную позицию, ограничиваясь изучением ситуации, сложившейся в Петроградской синодальной типографии. Так, 16 декабря 1917 г. Соборный совет постановил учредить особую комиссию в составе настоятеля Александро-Невской лавры еп. Прокопия (Титова), редактора «Церковных ведомостей» прот. Павла Лахостского и проф. В. Н. Бенешевича. Комиссии предписывалось к 20 января 1918 г. представить Соборному совету отчет о ситуации в типографии, после чего Поместный собор должен был рассмотреть вопрос о необходимости ее ревизии [РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 47. Л. 10]. В свою очередь, Святейший синод подтвердил постановление Соборного совета своим определением [*Церковные ведомости*, 5–6].

Однако изменить что-либо в синодальной типографии и прежде всего касательно ее дальнейшей судьбы эта комиссия была уже не в состоянии.

Октябрьская революция 1917 г., принеся коренные изменения во всех областях общественной жизни, коснулась и церковной печати. Первым реальным шагом в осуществлении новой церковной политики явилась реквизиция советской властью синодальной типографии в Петрограде. Поскольку осуществление этой антицерковной акции обстоятельно описано в научной литературе [Кашеваров, 97–100; Соколов, 199–209], в предлагаемой статье уделено внимание лишь наиболее примечательным эпизодам, связанным с этим событием, значительно повлиявшим на судьбу церковной издательской деятельности.

С сообщением о том, как советская власть подготовила и провела эту акцию, на заседании Поместного собора 22 января 1918 г. выступил член Соборной комиссии по делам типографии, редактор «Церковных ведомостей» прот. Павел Лахостский. По его словам, старосты синодальной типографии, сочувствующие большевикам, стремились сначала

...национализировать типографию по желанию самого народа, чтобы в распоряжение рабочих были переданы все машины и весь инвентарь типографии как составляющий результат их собственного труда [*Священный Собор*, 30].

При обсуждении этого вопроса в Комитете старост

...обнаружилось, что представители от рабочих были бы довольны, если бы рабочим Петроградской типографии дали бы прибавки, которые получили рабочие Московской синодальной типографии [*Священный Собор*, 30].

По настоянию прот. Павла Лахостского вопрос о судьбе типографии в Петрограде был передан на рассмотрение общего собрания рабочих, которое состоялось 21 декабря 1917 г. и, вопреки мнению старост, приняло резолюцию с просьбой к патриарху уравнивать их зарплату с жалованьем рабочих Московской синодальной типографии.

Второе общее собрание рабочих было 2 января 1918 г. На него по приглашению Комитета старост явился член коллегии Народного комиссариата просвещения П. И. Лебедев (псевдоним Валерьян Полянский. — *Прим. ред.*), который в течение полутора часовой речи пытался убедить рабочих изменить позицию. «Если вы пойдете за нами, — говорил он, — то получите по 300 рублей, а если за попами, то останетесь голодными, так как денег у них нет»

[*Священный Собор, 30*]. Однако рабочие стояли на своем. Тогда Лебедев (Полянский) заявил, что он уполномочен в случае сопротивления произвести аресты и отправить несогласных в тюрьму. В ответ на такую угрозу рабочая Ветрова выразила настроения большинства участников собрания следующими словами:

Вот я много лет работаю в типографии, и ни разу не слышала таких застрашиваний. Очевидно, нам с вами не ужиться [*Священный Собор, 30*].

Собрание закончилось вводом красноармейцев на территорию типографии и последовавшей передачей ее в распоряжение технического совета по управлению государственными типографиями при Народном комиссариате просвещения [*Прибавления, 221*].

Захват синодальной типографии в Петрограде вызвал ответную реакцию среди верующих. Начались частые собрания духовенства и представителей приходов, а также общие собрания приходских советов сначала одного Петрограда, а затем и всей епархии. На первом же собрании приходских советов столицы 11 января стало известно:

...Разные комиссары приходили к ректору семинарии, и в духовное училище, и к митрополиту и заявляли, что... решено все достояние Синода объявить собственностью народа [*Священный Собор, 30*].

С ведома советского правительства Петроградским советом была создана специальная комиссия для изъятия синодального имущества, которую возглавил «уполномоченный по ликвидации бывшего Синода» комиссар по делам беженцев А.М. Дижбит. В конце января 1918 г. в специальной записке народному комиссару внутренних дел Г.И. Петровскому он сообщал о том, что «ликвидацию Синода» почти закончил, принял ценных бумаг и счетов на сумму 46 миллионов 15 тысяч 312 рублей [*РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 28. Л. 1*]. Таким образом, захват типографии явился частью общего плана новой власти по изъятию имущества Святейшего синода в столице.

В связи с этой первой антицерковной акцией советского правительства собрание приходских советов 11 января приняло следующую резолюцию:

Тысячи верующих рассматривают захват типографии как грабеж, протестуют против него и будут говорить об этом не только в храме, но и в трамваях,

на площадях... приходские советы рассматривают явное гонение на Православную Церковь со стороны тех, кто именуется себя народной властью [*Священный Собор, 30*].

По поручению собрания член комиссии Поместного собора «О положении в Петроградской синодальной типографии» прот. Павел Лахостский дважды безуспешно пытался вручить эту резолюцию А. В. Луначарскому. Нарком просвещения выслал к протоиерею своего помощника П. И. Лебедева (Полянского), обращение которого с Лахостским, по свидетельству последнего

...было презрительное и грубое; он (Лебедев. — А. К.) ничего не хотел слышать, письменных заявлений не принимал... На резолюцию собрания приходских советов член Наркомпроса отреагировал весьма красноречиво: «Хоть к черту посылайте эти бумаги» [*Священный Собор, 30*].

В результате захвата синодальной типографии было фактически прекращено издание центральной газеты — «Всероссийского церковно-общественного вестника». Отцу Павлу Лахостскому все же удалось найти типографию для печати журнала «Церковные ведомости», который стал «выходить в увеличенном объеме с расширением неофициальной части» [*Священный Собор, 30*]. В связи с этим он докладывал Поместному собору:

...Удалось найти одного немца, который по ночам в своей типографии сам набирает «Церковные ведомости», — таким порядком он выпустил 1-й и 2-й номера означенных ведомостей и надеется выпустить соединенный 3–4 номера [*Священный Собор, 30*].

Примечательно, что месяц спустя была реквизирована синодальная типография в Москве. Богатейший набор старославянских, церковнославянских и старорусских шрифтов переплавили, так что теперь стало невозможным удовлетворять даже нужды Академии наук. Следует отметить, что среди этих шрифтов были гарнитурные — подлинные произведения искусства [*Степанов (Русак), 14*]. В марте 1918 г. по распоряжению комиссара по делам печати прекратила деятельность типография «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной церкви», располагавшаяся в Петрограде [*РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 69. Л. 1*]. Всем национализированным типографиям под угрозой строгой ответственности запрещалось печатать что-либо

для церкви. Однако руководству Петроградской епархии все же удалось договориться о выполнении некоторых своих заказов в 1918–1919 гг. в 17-й Государственной типографии (ул. 7-я рота, д. 26) [РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 47. Л. 32–37].

Национализация типографий, осуществленная в первые месяцы советской власти, по существу означала ликвидацию издательской базы православной церкви. Значимой предпосылкой этой антицерковной акции явилась дезорганизация производства, наступившая в Петроградской синодальной типографии под влиянием революционных потрясений 1917 г.

Архивные материалы

1. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 831: Канцелярия патриарха Тихона и Священного Синода.
2. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1579: Яцкевич Виктор Иванович, директор канцелярии обер-прокурора Синода.

Источники и литература

1. *Арсеньев* = Арсеньев К. К. Законодательство о печати. СПб. : Типолит. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1903. 264 с.
2. *Декреты* = Декреты Советской власти. Т. 1 : 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. М. : Госполитиздат, 1957. 626 с.
3. *Кашеваров* = Кашеваров А. Н. Российская Православная Церковь и советское государство : (1917–1922). М. : Изд-во Крутицкого подворья, 2005. 439 с.
4. *Нетужилов* = Нетужилов К. Е. История церковной журналистики в России XIX — начала XX века. СПб. : РХГА, 2009. 352 с.
5. *Прибавления* = Прибавления к Церковным ведомостям. 1918. № 1. С. 221.
6. *Священный Собор* = Священный Собор Православной Российской Церкви : Деяния. Кн. VI. Вып. 1 : Деяния LXVI–LXX. М. : Издание Соборного Совета, 1918. 81 с.
7. *Соколов* = Соколов А. В. Реквизиция Петроградской синодальной типографии в январе 1918 г. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. Вып. 1. Т. 4. С. 199–209.
8. *Степанов (Русак)* = Степанов (Русак) В. Свидетельство обвинения. Т. 2. М. : Рус. книгоизд. т-во, 1993. 280 с.
9. *Трудовой еженедельник* = Трудовой еженедельник : Журнал Комитета старост Синодальной типографии. 1918. № 1. С. 6.
10. *Церковные ведомости* = Церковные ведомости. 1918. № 1. С. 5–6.

A. N. Kashevarov

1917 in the History of the Petrograd Synodal Printing House

The article studies the situation in the Petrograd Synodal Printing House after the February revolution of 1917. To protect the workers' rights, a committee of elders was formed in the printing house. Instead of the assigned functions of a labour union organization, the committee started establishing control over production and finances without any consent of the administration. This disorganised the production process and led to the breakdown of the financial and economic part. On the order of the Minister of Confessions A. V. Kartashev of 4 August 1917, the Commission on printing was formed. It suggested measures for managing the catastrophic situation in the Synodal printing house. However, these measures could have been implemented only if the general political situation in the country had changed.

KEYWORDS: Local Council, Holy Synod, Synodal Printing House, publishing, Commission on printing, Committee of elders, disorganization of production.